

Вечером сцена была готова, все приготовления завершены, актеры уже начали представление, и Цзян Шэн подкатил своего брата к сцене.

— Младший брат, посмотри, — Цзян Шэн указал на комика, — довольно забавно.

Цзян Ян нахмурился. Он терпеть не мог, когда люди, ничего не понимающие в театре, делали глупые комментарии. А Цзян Шэн не только не разбирался в театре, он даже редко смотрел представления и вообще не любил их.

На этот раз Цзян Шэн приложил немало усилий, чтобы угодить брату, и даже заслужил прозвище «непочтительного сына». К сожалению, брат оставался таким же холодным... Нельзя не сказать, что Цзян Шэн был немного разочарован.

— Старший господин, присаживайтесь. — Управляющий У принес стул и поставил его рядом с инвалидным креслом Цзян Яна.

Цзян Шэн взглянул и сел:

— Управляющий У, присоединяйтесь, посмотрите представление. — Цзян Шэн улыбнулся.

Нельзя не сказать, что во многих ситуациях Цзян Шэн был более искусным в общении, чем Цзян Ян. Хотя Цзян Шэн не был искренним с людьми, по крайней мере, он не ставил их в неловкое положение, как это делал Цзян Ян. Например, если бы Управляющий У принес стул Цзян Яну, тот, вероятно, ответил бы саркастическим замечанием. Но в наше время ценится не искренность, а умение быть «сладким на словах и острым на деле», как Цзян Шэн.

— Нет, я, простой человек, ничего не понимаю в театре. — Управляющий У знал, что Цзян Шэн просто проявлял вежливость и не собирался приглашать его смотреть представление.

Актеры, получив от Цзян Шэна немало серебра, играли с особым усердием. На этот раз они подготовили три пьесы: «Небесная свадьба», «Му Гуйин берет командование» и «Опьянение наложницы». Первые две были уже старыми, но благодаря талантливым актерам, они все равно были хороши.

«Небесная свадьба» рассказывала историю любви Седьмой Небесной Феи и Дун Юна. Цзян Шэн не понимал пьесу, а Цзян Ян, сидя рядом с ним, тоже не мог насладиться представлением. В итоге из двух зрителей никто по-настоящему не смотрел пьесу, оба были погружены в свои мысли.

— Мисс Юй, вы так прекрасно поете. — В гримерке девушка, помогавшая Седьмой Небесной Фее снимать макияж, сказала это с восхищением.

— Хе-хе... — Седьмая Небесная Фея улыбнулась. — Это не так уж хорошо. Кстати, это старший господин Цзян, верно?

— Как же так, мисс Юй, вы пели просто потрясающе! Да, вы же подарили ему зонтик. — Девушка почесала затылок, говоря это скорее себе.

— Он действительно щедр.

— Это еще что! Он ведь...

— Что?

— Мисс Юй, я скажу вам, но только никому не рассказывайте...

— Не волнуйтесь, я никому не скажу.

— Брат А Вэнь говорил, что старший господин Цзян втайне занимается продажей лекарств. — Брат А Вэнь девушки когда-то кратковременно контактировал с Цзян Шэном.

— Лекарства! В наше время достать лекарства — это действительно показатель силы!

— Мисс Юй! Быстрее, ваша очередь!

Цзян Шэн нежно гладил руку своего младшего брата.

Руки Цзян Яна были тонкими и бледными, словно их легко было сломать, поэтому Цзян Шэн обращался с ними очень осторожно.

Недавно Цзян Ян снова ударил Цзян Шэна, потому что тот поцеловал его. Однако удар был слабым — от человека, который только что выздоровел, трудно ожидать силы.

— Младший брат, тебе не нравится представление? — Цзян Шэн чувствовал, что Цзян Ян чем-то отвлечен. Он помнил, что раньше брат всегда смотрел представления с большим интересом.

Цзян Ян не то чтобы не любил театр, ему просто не нравился человек, с которым он смотрел представление. Он не хотел разговаривать с Цзян Шэном и закрыл глаза, опершись на спинку кресла.

Цзян Шэн протянул руку и поправил волосы брата:

— Младший брат, ты... — Как же ты соблазнителен.

Последние слова исчезли в горячем поцелуе Цзян Шэна. Он обнял шею Цзян Яна и поцеловал его розовые губы.

Цзян Ян широко раскрыл глаза, пытаясь сопротивляться, но понял, что у него нет сил оттолкнуть Цзян Шэна. Он сжал зубы, но Цзян Шэн схватил его за подбородок.

Язык Цзян Шэна преследовал язык брата, касаясь каждого зуба... Когда Цзян Шэн отстранился, между их губами осталась тонкая нить слюны.

— ...Псих! — Цзян Ян лежал в кресле, тяжело дыша. — Сумасшедший! Сумасшедший! Кх-кх!

Последние слова были произнесены с такой силой, что он начал кашлять.

Цзян Шэн поспешил обнять брата и похлопать его по спине, чтобы он успокоился. Он просто сделал то, что давно хотел, и не чувствовал угрызений совести.

Цзян Шэн подумал: «Хорошо, что он только назвал меня сумасшедшим, но я не боюсь быть сумасшедшим...»

К счастью, Цзян Ян не знал его мыслей, иначе он бы очень разозлился.

Убедившись, что брат дышит нормально, Цзян Шэн расслабился. Другие могли не знать, но Цзян Шэн был в курсе, что у Цзян Яна легкая астма, и это нельзя было игнорировать.

— Ты всегда так легко раздражаешься...

Цзян Шэн хотел поцеловать брата еще, но сейчас это было невозможно.

— Ты, сукин сын! — Цзян Ян, придя в себя, снова уставился на сцену.

Ему нужно было ускорить свои планы, иначе, если что-то случится с Цзян Шэном, ему действительно придется умереть. Цзян Ян думал, что в последнее время Цзян Шэн не трогал его из-за его состояния, но теперь, когда он почти выздоровел, Цзян Шэн стал чаще проверять его терпение. Посмотрев на сцену, Цзян Ян сказал:

— Мне нужно в туалет.

— Я отвезу тебя. — Цзян Шэн начал вставать.

— Если ты действительно хочешь меня убить, то иди за мной.

Подумав, Цзян Шэн остался на месте, но кивнул Управляющему У, который сразу же последовал за Цзян Яном.

— Что?! Ты и в туалет за мной пойдешь?

— Второй господин, я просто боюсь, что вы упадете!

— Не упаду!

С этими словами Цзян Ян резко захлопнул дверь. В туалете он достал записку и спрятал ее в щель в стене.

— Второй господин, вы закончили?

— Да, да! Ты что, призрака зовешь? — Цзян Ян с раздражением выкатился из туалета.

— Я не торопил вас, просто боялся, что вы упадете...

Цзян Ян вернулся к сцене, досмотрел представление, а затем Цзян Шэн отвез его в комнату.

В городе Цзянцзинь сейчас действительно крупных семей осталось немного: Цзян, Вэнь и Ци. Семья Цзян и Вэнь были старыми друзьями и поддерживали хорошие отношения, но с семьей Ци у них было много пересечений в бизнесе, что неизбежно приводило к конфликтам. Цзян Шэн хотел поглотить Ци, а Ци, в свою очередь, мечтали о том же.

Цзян Шэн взял в руки бухгалтерскую книгу за этот месяц и внимательно изучил ее. Через некоторое время он прищурился.

Владелец филиала стоял рядом, дрожа от страха. Каждый месяц Цзян Шэн лично проверял бухгалтерию филиалов, а если не мог приехать сам, отправлял людей. Если все было в порядке, владелец филиала мог вздохнуть с облегчением, но если нет... Лучше не знать, что с ним случится. Цзян Шэн отправлял людей с умом: всегда двоих, причем они обычно не знали друг друга. Иногда он отправлял кого-то для проверки, поэтому бухгалтерия семьи Цзян была самой чистой в городе Цзянцзинь. Но эта чистота касалась только бухгалтерии Цзян Шэна, а то, что показывали правительству... У Цзян Шэна были свои люди, которые занимались подделкой документов.

На этот раз Цзян Шэн действительно разозлился. Он не ожидал больших прибылей от магазина тканей, но никогда не думал, что он будет убыточным.

Бум! Цзян Шэн швырнул бухгалтерскую книгу в лицо владельцу филиала. Эти «владельцы филиалов» на самом деле были всего лишь управляющими, нанятыми Цзян Шэном. Название звучало красиво, но они оставались слугами.

— Объясни!

Такие унижительные методы Цзян Шэн использовал нечасто. На самом деле, он был немного зол, но не терял самообладания. Ему просто нужен был повод для выхода эмоций, и он был недоволен этим «владельцем филиала».

— Старший господин, это из-за того, что семья Ци открыла свой магазин тканей напротив.

Цзян Шэн, конечно, знал об этом, но его это не волновало.

Конфликт между семьями Цзян и Ци был известен всем, но Цзян Шэн считал, что в нынешние беспокойные времена лучше временно прекратить борьбу. В конце концов, нечестно заработанные деньги нужно было сначала «отмыть», прежде чем отправлять их в банки США и Швейцарии, но это не было слишком сложно.

— Не оправдывайся. — Цзян Шэн задумчиво произнес.

Честно говоря, с тех пор как Цзян Шэн стал главой семьи, это был первый раз, когда он понес убытки.

— Иди в бухгалтерию и получи свою зарплату.

В главе упоминаются классические китайские пьесы: «Небесная свадьба», «Му Гуйин берет командование», «Опьянение наложницы». Контекст «отмывания денег» и отправки их в швейцарские банки отражает экономическую нестабильность и практики того времени. Динамика власти между братьями становится более напряженной, проявляясь как в личных, так и в деловых сферах.

<http://bllate.org/book/16249/1461180>